

еся на свободе за пределами страны варваров, что-то предпринимаем для скорейшего освобождения его от невыносимых страданий. Это подтверждается письмами оттуда.

Теперь спросим себя, что же делали эти 10 мучительных лет для освобождения родного нам Казачества мы? И что делаем в настоящий ужасный момент? Ничего!.. и ничего! Ведь стыдно сказать, что мы, жертвуя гроши в „фонд спасения родины“, этим выполняем свой долг перед погибающим казачеством, а если бы нас спросили: „в какой же фонд спасения и какой родины вы изволите жертвовать? Кто им распоряжается и на что он расходуется?“ — Тоже не знаем.

Братья казаки, гг. офицеры и генералы! довольно нам спать и у моря ждать погоды, довольно нам ожи-

дать от своих Атаманов, когда они предложат тот или иной способ к освобождению Казачества от порабощителей. Атаманы нас утешают тем, что близится утро, но все еще ночь. Время настало требовать от них решительных действий к скорейшему освобождению наших краев, не взирая ни на какие препятствия и жертвы и как бы они дороги ни были. Надо требовать от Атаманов созыва с'езда представителей от казаков-эмигрантов для разработки проекта освобождения Казачества и нашего будущего там.

Братья казаки, мы бездействуем, время не ждет, враг не дремлет, Казачество на краю пропасти и еще один толчек оно будет погребено на вечные времена и мы будем прокляты нашим потомством.

9-II-31 г.

Вахмистр Дон. В. Афонин.

Б. Л. Мангатов.

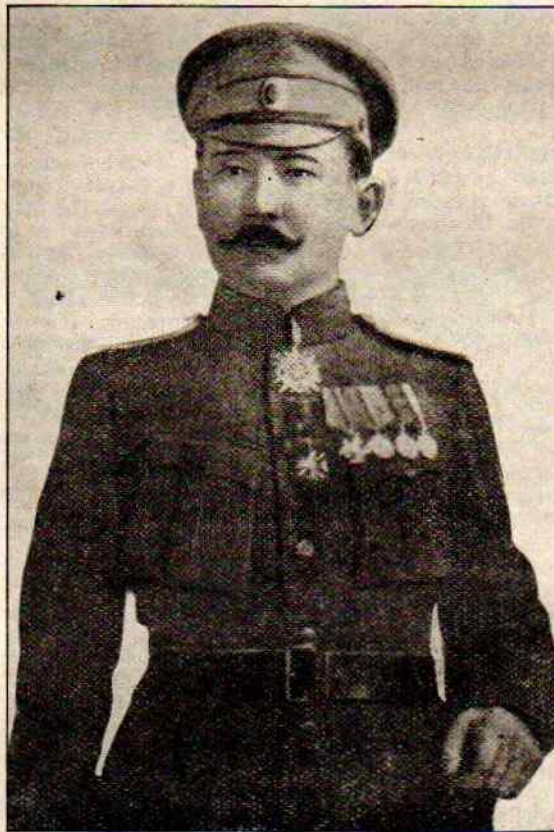
(К годовщине его трагической смерти).

2 марта исполнилось 13 лет со дня трагической смерти одного из выдающихся сынов небольшого калмыцкого народа, полковника Батыря Саксыковича (Бориса Леонидовича) Мангатова. В этот день мне хочется посвятить его памяти хоть несколько строк, чтобы время от времени напоминать, воскрешать и укреплять в памяти народа об одном его сыне. Делать это нам особенно необходимо еще потому, что у калмыцкого народа таких сыновей было очень немного.

Время его смерти — было страшное время всеобщего развала, шатания умов, разброда мыслей, время широкого распространения „большевицкой болезни“ в Казачьих Краях через слово и дело так называемых „фронтовиков“, но вместе с тем началом пробуждения и освобождения казачьего сознания от временного дурмана. То был конец суровой зимы и предверие весны 1918 года, принесшей Казачеству освобождение. И природа и люди изживали тяжелое время и стояли накануне прекрасной степной весны и радостной политической весны Казачества. Это был канун той всевоскрешающей весны, когда солнце разгоняет холод и под его живительными лучами радостно пробуждается жизнь...

В это тяжелое время в заснеженных Сальских степях, на фоне всеобщей подавленности оставался единственный маяк, куда были обращены взоры всех тех, кто не мог примириться с новым рабством. Это были „степняки“ с Походным Атаманом Поповым во главе. К этому то маяку стремился и Б. С. Мангатов, но, не добравшись до него, нашел трагическую смерть. Не суждено было ему дождаться весны в Сальской Степи, не суждено было ему дождаться и политической весны Казачества, служению которому он посвятил свою жизнь. Не суждено было ему послужить своему народу, а этому последнему не суждено было воспользоваться талантом и знаниями своего кровного сына...

С Батырь Саксыковичем я встретился в жизни един-

Полковник Б. Л. МАНГАТОВ.

ственный (первый и последний) раз и то на три-четыре часа. Это было почти накануне его гибели.

Конец страшного февраля 1918 года. Полнейшая беспутица и в политике и в природе. Еще не заглохло страшное эхо Калединского выстрела, пронесшееся по Дону провозвестником „черных дней“ Казачества. Только что пронеслась весть о разгоне Донского Круга „вождем красного Казачества“ Голубовым, и о его величайшем преступлении: расстреле выборного Донского Атамана Назарова и председателя Донского Круга Волошинова. Свет, светившийся из златоглавого Новочеркасска, погас. Лишь маленькая искра от него, в образе „степняков“, перебралась в Задонские степи. Широкий казачий шлях был завален трупами лучших сынов Каз-ва и лишь по оставшейся узкой тропинке, неизвестно куда ведущей, смело пошли „степняки“. Политический туман тяжелым мраком ложился на Седой Дон, закрывая, заслоняя все казачьи пути.

Время было беспросветное. Люди пользовались всевозможными фантастическими слухами. Каждая весть о приближении „кадетов“ вселяла надежду на скорое спасение от власти „ваньков“ и каждая весть о прибытии „красных частей“ вселяла в душу ужас и страх.

Нездолго перед тем в нашу станицу приехал прапорщик Куркусов и от имени „начальника партизанского отряда“ ес. Холмского просил собрать тайно людей, которые готовы были бы пойти в отряд и, обещав через неделю вернуться с новым указанием „начальника“, уехал. Нам казалось тогда, что это — выход из положения. И неудивительно, что тайная запись в „партизанский отряд“ быстро дала сотню людей на прекрасных конях, готовых в любой момент присоединиться к отряду и идти куда угодно, лишь бы избавиться от власти этих пришлых „ваньков“. Но от „начальника“ никакого распоряжения не поступило и неизвестно было — где он находится. Надежда рассеялась, „выход“

закрылся, круг замкнулся. Наступила тьма и беспутница и власть разнузданных „ваньков“.

Вот в это тяжелое время, в один далеко непрекрасный день, в сумерках в'ехали во двор Уланова (ст. Ново-Алексеевская) сани, запряженные четверкой хороших коней. Из саней высадились четыре человека. То были: полковник Мангатов, войск. ст. Болдырев, ес. Макаров и сотник Абушинов, мой станичник. Вошли в дом и, прежде чем засветить лампу, просят поплотнее закрыть ставни, чтобы люди их не увидели. Оказалось, что Мангатов ездил в Новочеркасск и там от Донского правительства получил большое поручение для ведения противобольшевицкой работы в калмыцких степях и организации там партизанских отрядов. Но уже после того, как он выехал из Новочеркаска и направился в калмыцкие степи для выполнения полученного поручения, Новочеркасск был захвачен отрядом Голубова, Круг разогнан, не стало правительства, „степняки“ пошли на Закавказские степи.

В такое время и при таких условиях я впервые встретился с полк. Мангатовым. Но достаточно было и этой короткой встречи, отрывочной беседы чтобы проникнуться к нему большим уважением. В это страшное время его мысль занимала не его собственная жизнь, а мучительные думы о том — как бы из за него не пострадал его народ, как бы сделать так, чтоб народ меньше пострадал от этого лихолетия. Если бы смерть мою можно было предотвратить грядущие народные страдания — как говорил он.

Грустное это было знакомство, тяжелая встреча. Разговор не клеился. Всех занимали тяжелые думы. Обычно мало разговорчивый Мангатов, в такой момент еще менее был склонен к разговорам. Но из того, что он говорил, можно было понять, что душу его уже охватывает тяжелое сомнение...

— Был жив Каледин — сильна была вера, что Казачество может стать на свои ноги. Был достойный заместитель Каледина Атаман Назаров, но его казаки не защитили. А теперь, теперь...

Они часа два-три отдохнули. Поужинали. Затем стали собираться в путь и прощаться.

— Спасибо за приют, угощение. В моем положении оказывать мне приют — подвиг. У меня в настоящем — злая жизнь. Впереди — полный мрак. Пошлет ли мне Бог счастье присоединиться к Пох. Атаману,

а этому последнему — выйти на светлый и свободный путь? Один Бог знает, что с нами будет впереди... Придется ли еще встретиться...

Темная ночь скрыла его смущение от посторонних взглядов. Он бодро пошел к саям.

Трогательно простившись с нами, они пустились в свой неизвестный путь. Такова была моя первая и последняя встреча с этим благородным сыном калмыцкого народа, который горячо любил свой народ, беспредельной любовью любил красоту и прелесть калмыцкой степи, но жизнь которого, к несчастью народа и к великому сожалению самого Мангатова, прошла вне родины его народа.

А затем... печальная весть о „без вести пропавшем полковнике Мангатове“. Они доехали до ст. Великокняжеской, которая перед тем была занята отрядом Пох. Атамана, но только доехали с опозданием на несколько часов. И сын калмыцкого народа, полковник Мангатов, любимец всех казаков, знавших его, любивший „нравственную красоту в общении с людьми“, попал в грязные лапы страшных зверей, в образе разнузданных, пьяных русских „красных“ солдат наводнивших тогда тихую калмыцкую степь...

В лице покойного калмыцкий народ потерял одного из образованных своих сыновей, руководившего в своей жизни интересами своих братьев, делом возвышения его имени, а также благородного человека, поступки и действия которого чаще согласовались с высокими этическими началами.

Его преждевременная и трагическая смерть должна особенно вызывать скорбь в душах калмыков, ибо Мангатовых в калмыцком народе были буквально единицы...

Пусть эти немногие, отрывочные и бледные строки, напомнят нашим братьям о жизни и трагической кончине Батыря Саксыковича Мангатова. Пусть в этот день каждый из нас осознает свою непременную нравственную обязанность — служить интересам своего народа, пытаться везде и всюду возвышать калмыцкое имя, своими поступками и действиями вызывать к нему симпатию, приязнь, как это делал покойный.

Пусть Бог пошлет нам такое время, когда калмыцкий народ будет иметь возможность воздвигнуть памятник этому большому и благородному своему сыну...

Шамба Балинов.

Казачья пресса.

На казачьих эмигрантских „горизонтах“ — „оживление“. За последний месяц появилось целых два новых журнала: в Праге „Казачий Набат“ и в Париже „Казачье Дело“. Если прибавить сюда два номера появившегося этой зимой калмыцкого журнала „Ковыльные Волны“, то сегодня мы насчитаем заграницей уже семь казачьих журналов. Пожалуй, такого количества своих печатных органов казачья эмиграция еще не имела.

Свидетельствует это об оживлении казачьего вопроса прежде всего среди самих казаков. На страницах этих семи журналов так или иначе решается казачий вопрос. Дискуссия по казачьему вопросу среди самих казаков идет полным ходом. Сейчас действительно представлены все течения (большие и малые) казачьей политической мысли печатно и публично. Нельзя сказать, чтобы это было плохо, ибо в интересах Казачества, для его спасения и освобождения в данный момент, для обеспечения его исторического будущего необходимо одно решение казачьего вопроса, одно — правильное и общепризнанное, такое, за которым станет подавляющее большинство Казачества, такое, которое гарантирует и самый успех казачьего дела. И если в данную минуту нет среди казаков единства мнения по основному вопросу, то пусть эти мнения будут высказаны теперь же; пусть скорее будут сравнены разные „рецепты“ решения казачьего вопроса, предлагаемые различными казачьими группировками. Сравнив их и хорошо продумав теперь, Казачество постепенно отбросит все негодные и не-

довлетворительные и оставит один — наилучший. Тогда в будущем, может быть недалеко будущем новой борьбы за освобождение, казачьего политического сознания не смутят никакие „неожиданности“ или новые „комбинации“.

Итак, перед нами — первый номер весьма тощего и об'емом и содержанием нового ежемесячного журнала „Казачий Набат“, с лозунгом: „За поруганную Веру, Природного Царя и страждущее Отечество“. Оказывается, что это — орган „совета казачьего центра Союза Младороссов“, попросту говоря монархистов-кирилловцев.

Такова уж мода у русских. Каждая политическая группировка обязательно хочет иметь около себя и „казачий отдел“ — народ, так сказать, ибо самого русского народа в эмиграции нет, есть только бывший „ведущий“ слой... Нужны, конечно, казаки и русским младороссам. Ну и нашли нескольких „служак“... Думаем, что больше их там и не будет. „Служилое сословие“ под водительством Богаевского или Чапчикова — все это в прошлом. Сейчас может быть лично одному двум человекам это и выгодно, но в казачьем масштабе — не серьезно.

Неопределенное впечатление производит новый парижский журнал „Казачье Дело“ — орган „Лиги возрождения казачества“ (тоже ежемесячник). Перед нами